

АНТАРАМЪ.

(ОТУЗСКАЯ ЛЕГЕНДА.)

Когда Седракъ-начальникъ, Седракъ-Бахръ-башъ, рѣшилъ жениться, всѣ говорили: не будетъ толку. Человѣку за шестьдесятъ, а невѣста не поднимала еще глазъ на мужчину. И жалѣли Антарамъ.

Но Седракъ-начальникъ нашель горный цвѣтокъ, лучше котораго не видѣль, и не хотѣль, чтобы онъ достался другому.

А что рѣшалъ Седракъ-начальникъ, отъ того никогда не отступалъ.

И Седракъ-начальникъ женился на Антарамъ.

Чалкинцы поздравляли:

— Послалъ Богъ счастье.

Но между собой говорили:

— Запретъ старикъ бѣдную Антарамъ. Къ чему и богатство!

И заперъ Седракъ-начальникъ молодую жену въ своемъ чалкинскомъ балатѣ, гдѣ били фонтаны и ломились подъ тяжестью плодовъ фруктовыхъ деревья, но куда никто не проникаль кромѣ старухъ и стариковъ.

Такъ не видѣли чалкинцы Антарамъ цѣлый годъ, а когда увидѣли на праздникѣ Сурпъ-хача въ Эскикрымскомъ монастырѣ, не узнали ее. Не улыбалась больше Антарамъ и стала похожа на святую Шушанику.

Благословилъ ее послѣ службы старый архимандритъ и, такъ, чтобы не услышали другіе, сказалъ:

— Не грусти. Все въ волѣ Божіей.

И избралъ ее, чтобы раздавала награды борцамъ, которые пришли изъ Эски-Крыма, Карадага и Чалковъ показать свою удалъ и силу.

Узнали борцы, кто будет раздавать награды, и въ кругу собравшагося народа началась борьба молодежи, какой давно не видѣли.

Не жалѣли себя молодцы. Какъ тигры бросались другъ на друга, и напряженные мускулы ихъ казались выкованными изъ желѣза.

Особенно восхищаль всѣхъ Георгій изъ Чалковъ. Онъ въ мигъ укладывалъ на землю неопытнаго противника и, поднявъ его на вытянутыхъ рукахъ, держалъ долго надъ головой.

Загорѣлись глаза у Антарамъ и отдала она ему первую награду—арабскій дир-гемъ и шелковую ткань для праздничнаго наряда. Преклонился предъ нею Георгій и чуть слышно вымолвилъ:

— Имись окись, сердце мое!

Кивнулъ на поклонъ небрежно головой Седракъ-начальникъ, отплюнулся въ сторону.

— Молодость только и годится, чтобы хвастать своими мускулами, оттого, что не чѣмъ больше.

И поспѣшилъ увезти Антарамъ въ свои Чалки.

Потянулся второй годъ хуже перваго. Тосковала Антарамъ, и отъ тоски стала еще прекраснѣе.

Мускусь бронзоваго тѣла ея пьянилъ старика, а тѣни думки на лицѣ затемняли у него разсудокъ.

Жизнь бы отдалъ за нее Седракъ-начальникъ, умеръ бы, обнявъ ея колѣни, и мучилъ ее безъ конца безумной ревностью, и ненавидѣлъ всѣхъ людей, на которыхъ она могла посмотрѣть.

Чтобы не оставлять жены безъ себя, онъ рѣдко выходилъ изъ балата и оттого казался чалкинцемъ еще болѣе неприступнымъ и суровымъ.

И вдругъ дошла вѣсть, что на Кохтебель напали арнауты, вырѣзали армянъ, сожгли церковь, убили священника.

Взволновались Чалки, и всѣ, кто могъ, стали отправлять женъ и дѣтей въ дальнія деревни. Пришлось и Седраку-начальнику разстаться съ Антарамъ. Окруживъ всадниками, онъ отправилъ ее къ старому другу, въ котораго вѣрилъ, и сталъ ждать вѣстей.

Писала Антарамъ. Но письма не глаза,—не прочтешь въ нихъ, что прочтешь въ глазахъ.

И мучился Седракъ-начальникъ отъ ревности еще больше, чѣмъ прежде. Перемѣнилъ людей при Антарамъ, послалъ старуху слѣдить, съ кѣмъ она больше говоритъ, на кого охотно смотреть.

Вернулась старуха.

— Напрасно оставилъ при ней Георгія. Самъ себѣ бѣду дѣлаешь.

Въ ту же ночь полетѣлъ гонецъ за Георгіемъ, а на утро прибылъ Георгій съ письмомъ отъ Антарамъ.

Прочелъ Седракъ-начальникъ письмо и сталъ бѣлѣе стѣны. Въ первый разъ упрекала его Антарамъ, въ первый разъ жаловалась на судьбу.

— Зачѣмъ не вѣришь людямъ, зачѣмъ отозвалъ Георгія? Онъ самый вѣрный слуга. Зачѣмъ обидѣлъ меня?

Сверкнулъ злобой косою глазь Седрака-начальника, и приказалъ онъ Георгію отвезти письмо въ станъ арнаутовъ. Зналъ—чѣмъ кончится дѣло.

И вернулъ Антарамъ въ Чалки.

Не посмотрѣлъ на нее, когда она вошла въ домъ; заперъ въ глухую башню, а ключъ швырнулъ въ пропасть.

— Теперь люби своего Георгія.

И цѣлыя ночи неслись стоны изъ башни, и рвалъ сѣдые волосы Седракъ-начальникъ, и боялись люди подходить къ нему.

А на третью ночь затихли стоны и показалось Седраку-начальнику, что подошла къ нему тѣнь Антарамъ и стала гладить его больную голову.

— Я умерла,—шептала тѣнь,—и скоро уйду отсюда, и пришла къ тебѣ только, чтобы успокоить тебя. Антарамъ не измѣнила тебѣ и, когда другіе люди не любили тебя, Антарамъ берегла твою старость. Хотѣлъ Георгій убить тебя, Антарамъ сказала: Искупи грѣхъ своей мысли. Если любишь, отдашь жизнь за него. И поклялся Георгій сдѣлать такъ. Невинна Антарамъ. Клялась она быть вѣрной тебѣ, такой и умерла.

Бросился Седракъ-начальникъ къ башнѣ, разбудилъ людей, велѣлъ взломать двери. Вбѣжали люди въ башню и увидѣли Антарамъ мертвой.

Три дня не пилъ и не ѣлъ Седракъ-начальникъ, стоялъ у остывшаго тѣла; самъ положилъ его въ могилу, самъ засыпалъ землею и своими руками построилъ часовню на могилѣ, хотя и не былъ каменщикомъ. А когда окончилъ работу, тутъ же и умеръ.

И была на часовнѣ высѣчена надпись:

«Построилъ часовню на могилѣ жены начальникъ крѣпости Седракъ. Замучилъ бѣдную напрасно. Господи, прости ему тяжкій грѣхъ».

Лѣтъ тридцать назадъ работавшіе въ Чалкахъ инженеры нашли у источника Бахръ-башъ-чокракъ, подъ Эчкидагомъ, развалины часовни и камень съ высѣченною надписью на старо-армянскомъ языкѣ.

Прочли:

«Построилъ часовню на могилѣ жены начальникъ крѣпости...»

Время стерло остальные слова.

Видно, простилъ Господь Седраку его тяжкій грѣхъ.

